

УДК 94(47)“1941/45”:316.74:2

Е. Ф. Кринко**Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны**

Статья посвящена религиозному вопросу в СССР в 1941—1945 гг. Советское государство в годы Великой Отечественной войны отказалось от прежней политики репрессий по отношению к церкви. Во многом это объясняется патриотической позицией, занятой церковным руководством. Цель достигнутого компромисса заключалась в максимальной концентрации всех сил и средств для победы над противником. В то же время многим советским гражданам религия обеспечивала духовную поддержку, позволяя преодолеть трудности военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, религия, советское общество, церковь, православие, ислам.

С приходом к власти большевики повели решительную борьбу против церкви, выражавшуюся в массовых репрессиях священнослужителей, ликвидации организованных форм религиозной жизни, атеистической пропаганде. К началу Великой Отечественной войны в РСФСР сохранилось всего 950 православных общин и около 100 православных храмов — как правило, только в крупных городах. В 20 областях действовало от 1 до 5 храмов, а в 25 областях — ни одного. На Украине были закрыты все православные церкви в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях, по 1 церкви действовало в Ворошиловградской (в настоящее время — Луганской), Полтавской, Харьковской областях [25; 46]. Значительно сократилось количество храмов и прихожан и в других конфессиях. Если до 1917 г. в России насчитывалось, по разным данным, от 14 тыс. до 26 тыс. мечетей и около 15 тыс. медресе, то к 1941 г. осталось 1312 мечетей и ни одного медресе [38].

Часть советских руководителей предлагала полностью ликвидировать церковь и религию в СССР, однако этого так и не произошло. Широко пропагандировавшиеся атеистические представления разделялись значительной частью общества, но не стали полностью доминирующими. Несмотря на систематические гонения, многие советские граждане к началу Великой Отечественной войны сохраняли религиозные убеждения. В условиях массовых репрессий немало религиозных общин продолжали свою деятельность на нелегальной основе, собираясь на богослужения и после закрытия храмов. Согласно оценкам А. Беглова, к началу 1940-х гг. численность незарегистрированных приходских общин составляла в РСФСР порядка 8—10 тыс., на Украине — 5—6 тыс. (примерно 50% от закрытых церквей), в Белоруссии — около 600 (примерно 20% закрытых церквей) [2]. В партийных документах кануна войны сообщалось, что в Буденновском районе Орджоникидзевского (в настоящее время — Ставропольского) края был «вскрыт и ликвидирован подпольный монастырь. На территории Орджоникидзевского края с центром в г[ороде] Буденновске действовал к[онтр]р[еволюционный] тихоновско-имяславский церковно-повстанческий центр, ликвидированный во второй половине 1940 г.». В ряде других районов края «были организованы глубоко законспирированные кельи и молитвенные дома, обитаемые в большинстве своем беглыми монашескими элементами, бывшими попами и особенно ревностными фанатиками-верующими» [39, с. 406].

Особенно сильным оставалось влияние религии в сельской местности. В деревне продолжали отмечать религиозные праздники, прежде всего Пасху, во время которой на работу в отдельных населенных пунктах не выходило до половины колхозников. Так, на

© Кринко Е. Ф., 2015

последнюю предвоенную Пасху 20—21 апреля 1941 г. в церкви Новоселицкого района Орджоникидзевского края собралось свыше 1 тыс. верующих, «среди которых было значительное количество молодежи и школьников». На работу не вышло свыше 2 тыс. человек в колхозах «Садовод», «Красный воин» и других хозяйствах. В колхозе им. Дзержинского на работу не вышло 200 человек, включая отдельных коммунистов и комсомольцев. В колхозе «Восход» Шелковского района Орджоникидзевского края «более половины колхозников не вышло на работу, пьянствовали». В колхозах «Вперед», «Красный Восток», «Красный Молот», им. Крупской Кизлярского района и в других хозяйствах в пасхальные дни не работало до половины колхозников [39, с. 403, 405].

Исполнению обрядов не помешали даже уничтожение церквей и «изъятие» представителей духовенства: их совершали переходившие из села в село бродячие священники, нередко в заочной форме, над вещами, принадлежавшими верующим. Крещение проводилось без детей, получавших уже крещеные крестики, а венчание — без новобрачных, которым позже предоставлялись кольца. Заупокойная молитва совершалась над горстью земли с могилы, где был похоронен умерший, потом ее возвращали родственникам. По словам Н. П. Шепеленко, в селе Александровка Азовского района «церковь была очень большая в деревне, очень большая, кирпичная. И когда произошла революция, ее эти коммунисты разорили. И заставляли, чтобы никто не верил, чтобы никто не молился. Все равно мы потихоньку что-то и справляли, эти самые обычаи, потихоньку, и все. А... не было церкви» [34].

Даже отдельные коммунисты, в том числе занимавшие ответственные руководящие должности, продолжали соблюдать обряды и сохранять в домах иконы. В Новоселицком районе Орджоникидзевского края бывший руководитель районного отдела здравоохранения Гончаров, секретарь партийной организации колхоза им. Буденного Ефимов, заведующий военным отделом райкома ВКП(б) Матвеев, инструктор райкома ВКП(б) Дружинин, председатель сельсовета Гуржуенко окрестили своих детей, а когда от них потребовали объяснения, «то они всю вину стали относить на своих жен и матерей» [39, с. 403—405].

Мусульмане также отмечали религиозные праздники — Курбан-байрам, Уразу-байрам. В отсутствие мулл их обязанности выполняли старики, лучше помнившие религиозные традиции и обряды. Например, в 1941 г. в ауле Ново-Кувинском Черкесской автономной области «соблюдали уразу» 48 человек, а в ауле Эрсакон — более 100 человек, среди которых были комсомольцы. Браки заключались с несовершеннолетними девушками, на условиях уплаты калыма, с соблюдением религиозных обрядов [39, с. 405—406].

На нелегальной основе продолжали свою деятельность баптисты-евангелисты, пятидесятники, старообрядцы, духоборы, хлысты, истинно-православные христиане и другие сектанты. В отличие от Русской православной церкви, руководство которой в лице местоблюстителя патриаршего престола, митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) стремилось доказать свою полную лояльность советскому правительству, их идеология нередко носила антисоветский и монархический характер. Так, истинно-православные христиане рассматривали советскую власть как власть антихриста, которого персонифицировали с Лениным, Троцким или Сталиным, а красную звезду — как каббалистический знак сатаны. Поэтому они противились вступлению в колхозы и уплате налогов, не пускали детей в школы и не служили в армии.

Власти негативно воспринимали проявления религиозной жизни, рассматривая ее как «к[онтр]р[еволюционную] деятельность, направленную к подрыву колхозного строительства и оборонного могущества СССР» [35, л. 79—80]. Увеличение числа «катакомб-

ников», отвергавших подчинение Московскому патриархату и обвинявших его в сотрудничестве с большевиками, заставило власти признать, что «заккрытие церквей ведет к увеличению нелегальных религиозных организаций» [47, с. 133]. Поэтому одни лишь административные меры, выражавшиеся в закрытии храмов, признавались неэффективными методами управления религиозной ситуацией.

С начала Великой Отечественной войны Русская православная церковь заняла патристическую позицию, поддержав советскую власть в борьбе с врагом. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей 22 июня 1941 г. обратился с посланием к «Пастырям и пасомым Христовой православной церкви». В нем говорилось о том, что «не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божию помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой, и выходили победителями». Митрополит призвал православных русских людей защитить Отечество, послужив ему «в тяжкий час испытания всем, чем каждый может» [28, с. 15—17]. 26 июня в Богоявленском соборе митрополит Сергей отслужил молебен «О даровании победы», после чего данные молебны стали совершаться во всех православных храмах страны.

Позицию митрополита Сергея разделяло большинство православных иерархов и приходского духовенства. В посланиях главы обновленческого направления митрополита Александра (Введенского) также звучал призыв ко всем православным, «от священства и до малейшего мирянина», не только молиться, но и действовать: «С мечом в руках, с огнем веры в сердце пусть верующие исполнят свой великий воинский долг. Те, кто работает в тылу, пусть самоотверженно, с полным напряжением сил исполняют свои обязанности перед Родиной» [36, л. 21].

8 июля 1941 г. с воззванием к мусульманам СССР обратился председатель Центрального духовного управления мусульман, уфимский муфтий Габдрахман Зайнулович Расулев. Он призвал их подняться на защиту «родной земли, молиться в мечетях о победе Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело». В следующем воззвании уже к мусульманам всего мира прозвучал призыв «во имя Ислама встать на защиту мусульман и народов России, их мирной жизни и религии» [38]. В 1942 г. на съезде мусульманского духовенства в Уфе германскому фашизму был объявлен джихад.

С призывами защищать Родину обратились к своим адептам и представители других религиозных организаций. В мае 1942 г. представители союзов баптистов и евангельских христиан подписали письмо-воззвание ко всем евангельским верующим: «Опасность для Евангелия велика... Дорогому для всех христиан имени Христа Германия желает противопоставить имя кровавого фюрера. Пусть каждый брат и каждая сестра исполняет свой долг перед Богом и перед Родиной... Будем мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая Родина должна остаться свободной» [19, с. 129—130].

В свою очередь советское руководство пошло на смягчение прежней антирелигиозной политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены общецерковные сборы средств; сняты ограничения на некультовую деятельность, проведение массовых богослужений и церемоний; стали открываться молитвенные здания; расширился выпуск церковной литературы. В сентябре 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников», в апреле 1942 г. дано разрешение на проведение пасхальных крестных ходов вокруг храмов.

Однако на местах разрешения нередко соседствовали с запретами. Например, 13 марта 1942 г. исполком Лабинского районного совета Краснодарского края принял решение о ликвидации молитвенного дома. Уже попавшие в поле зрения правоохранительных органов религиозные активисты продолжали подвергаться репрессиям. В августе 1942 г. С. А. Терзиян, 1886 г. р., проживавший в колхозе им. Свердлова Адлерского района Краснодарского края, обвинялся в «читке религиозных книг — библии, из которой контрреволюционные измышления пораженческого характера, направленные против Советской власти... высказывает в кругу своего знакомства». В результате он попал в число лиц, подлежащих отселению с территории Краснодарского края в условиях быстрого наступления вермахта [44, л. 144—150].

Отдельные нацистские руководители еще до войны обсуждали необходимость возрождения церковной жизни на оккупированных территориях СССР в качестве одного из средств, призванных способствовать ликвидации советского строя. 1 сентября 1941 г. был утвержден специальный циркуляр Главного управления имперской безопасности «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза». В нем ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения как враждебного большевизму, дробление его на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях. Гитлер 11 апреля 1942 г. указал на необходимость «избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была собственная секта со своими представлениями о боге» [27, с. 198].

Стремясь расколоть Русскую православную церковь, оккупанты оказывали поддержку раскольническим движениям или вынуждали православное духовенство объявлять о своей независимости от Московской патриархии. Летом 1942 г. имперский комиссар Украины Э. Кох в директиве руководителям СС и полиции писал: «На Украине, точно так же как и в Германии, каждый может верить по-своему. Нами допускается любая религия и любое церковное направление, если оно лояльно к германской администрации... Разногласия церковных направлений между собой, а именно в религиозных вопросах, нас не интересуют. Мы желаем только, чтобы полемика по этим вопросам не распространялась среди мирских масс, потому что она способна нарушить гармонию, необходимую для общего строительства» [37, л. 12].

Часть священнослужителей, прежде всего в западных регионах СССР, пошла на сотрудничество с оккупационной администрацией. Православные иерархи в Прибалтике, Белоруссии и на Украине объявили о намерении отделиться от Московской патриархии, поддержавшей «безбожное» советское правительство. Руководство Русской православной церкви в лице патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия осудило деятельность данных священнослужителей.

На захваченной территории СССР поощрялось возрождение религиозной деятельности, открывались храмы. В оккупированных районах РСФСР открылось, по подсчетам М. В. Шкаровского, примерно 2150 храмов: около 470 — на Северо-Западе, 229 — в Краснодарском крае, 127 — в Орджоникидзевском, 70 — в Крымской АССР, 332 — в Курской области, 243 — в Ростовской, 108 — в Орловской, 116 — в Воронежской, 60 — в Смоленской, 8 — в Тульской и около 500 — в Московской, Калужской, Сталинградской, Брянской и Белгородской областях [47, с. 190]. Всего в середине 1943 г. на захваченных противником территориях СССР действовало 6500 православных храмов, в то время как на остальной территории страны — 3329, или почти в 2 раза меньше. Оккупационные власти запрещали работать в дни церковных праздников, а за соблюдение религиозных

обрядов предоставляли льготы и привилегии. В программы действовавших начальных школ было включено изучение Закона Божьего, печатались молитвенники и другая религиозная литература, а в календарях для жителей указывались православные церковные праздники [23, л. 42].

С разрешения рейхскомиссариата Остланд, контролировавшего захваченную территорию Прибалтики и Белоруссии, патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Сергей (Воскресенский) в августе 1941 г. организовал Псковскую миссию («Православную миссию в освобожденных областях России»), занимавшуюся активной благотворительной, просветительской, издательской деятельностью в оккупированных юго-западных районах Ленинградской, части Калининской, Новгородской и Псковской областей. В августе 1942 г. на территории миссии действовала 221 церковь [44].

Помимо православных храмов, на оккупированной территории СССР возобновили свою деятельность тысячи костелов, кирх, молитвенных домов. Только на Востоке Украины в конце 1942 г. действовало 713 баптистских общин, насчитывающих 32 тыс. членов [19]. В Крыму и на Северном Кавказе оккупанты декларировали уважение к исламским ценностям, восстанавливали мечети, наделяя мулл различными льготами и привилегиями. Гитлер был провозглашен «Великим Имамом всего Кавказа». В ноябре 1942 г. командующий 1-й танковой армией генерал Э. фон Макензен принял ислам и посещал мечеть в Нальчике.

Поскольку значительная часть прежних церковных зданий была разрушена или обзображена, в церкви переоборудовали клубы и дома культуры. В станице Крымской Краснодарского края церковь открыли в здании электролечебницы, ранее представлявшем собой религиозное помещение. В ней регулярно проводились богослужения, которые посещали «в большинстве случаев женщины престарелого возраста» [21, с. 605]. В Днепропетровске объединенной общине верующих христиан-евангелистов и баптистов, насчитывавшей более 800 человек, предоставили Дом культуры кожевников в центре города [19].

В газетах публиковались объявления, приглашавшие священников на работу. Но даже с привлечением уже отошедших от дел духовных лиц крайне не хватало священнослужителей. Партизанская разведка докладывала, например, что в станице Старонижестеблиевской «попом служит бывший фотограф и он же бухгалтер райпотребсоюза». Бывший фотограф организовал сбор денег для ремонта церкви, восстановленной в бывшем доме культуры, и выступил «при открытии храма с контрреволюционной речью, обвиняя советскую власть в зажиме религии и восхваляя фашизм» [21, с. 562]. А обязанности эфенди в мечети в ауле Старый Бжегокай исполнял бывший редактор Тахтамукайской районной газеты «За сталинский урожай» Г. А. Барчо, член ВКП(б) с 1927 г. [43, л. 55 об.].

В местной печати отмечалось, что «после многолетних тяжких преследований» религиозные общины, «обрадованные разрешением совершать святые богослужения, во многих местах, не проверяя своих будущих пастырей, допустили к богослужению людей порочных и отрекавшихся при советской власти от Бога и от Св. Церкви». В станице Дондуковской Краснодарского края священником назвался Нарыжный, ранее отрекшийся от своего сана, в Тульской — «некто Ромащенко, предавший церковь в ст. Севастопольской», в Гиагинской — Вертоградский, «отрекшийся от правильного церковного пути». В станице Ханской «некто Щербань, не имея соответствующих документов, допущен общиной верующих к священнослужению» [45]. Однако сам факт, что указанные лица смогли стать священнослужителями, не имея на то необходимых правовых оснований, свидетельствует о массовой потребности в исполнении религиозных обрядов.

Немало жителей, прежде всего старшего возраста, добровольно трудились над восстановлением церквей: строили, штукатурили, красили, белили, бесплатно выполняли другие работы, а затем приносили в дар уцелевшие иконы и богослужебные книги. На частные пожертвования прихожан была отремонтирована кладбищенская церковь в станице Славянской, а в храме села Калинино построили иконостас и приобрели колокол.

В то же время оккупанты стремились использовать религиозную деятельность в собственных интересах. Священники на оккупированной территории нередко служили молебны во славу победоносной германской «освободительной» армии, призывали прихожан молиться за здоровье немецких солдат, организовали сбор средств в фонд вермахта. В день вступления оккупантов в Краснодар, 9 августа 1942 г., в их честь был отслужен молебен в Дмитриевской церкви. Прибывшие немецкие офицеры поблагодарили присутствовавших «за теплую встречу» [21, с. 459]. 11 октября 1942 г. в Майкопе в Александровской церкви состоялась панихида по «убиенным, замученным и погибшим в стенах и лагерях православным христианам, а также воинам, жизнь свою положившим за освобождение нашей Родины от большевистского ига». Перед ее началом протоиерей Петр (Космодемьянский) произнес проповедь, в которой напомнил присутствовавшим «о страшных гонениях и ужасах террора, которыми жида и коммунисты мучили нашу Родину». Затем городской голова Н. В. Палибин призвал молиться за тех, кто «за нас проливает кровь, за наших братьев-германцев» [6]. Подобные молебны проводились во многих других городах, селах, станицах.

Разумеется, не все священники являлись сторонниками «нового порядка», были и те, кто, напротив, участвовал в сопротивлении оккупантам. Так, в здании отделения Государственного банка в станице Северской в период оккупации был открыт молитвенный дом, где служил пострадавший в свое время от советской власти бывший священник Иоанн (в миру — Иван Павлович Авдеев). Его сын Леонид находился в это время в местном партизанском отряде «Мститель», и священник не раз оказывал помощь советским войскам, передавая за линию фронта сведения о противнике [41, с. 4]. Пинский обком Коммунистической партии Белоруссии, характеризуя события на оккупированной территории с апреля по июнь 1943 г., приводит следующий факт: «Один крестьянин из деревни Дятловичи подал в Луинецкую жандармерию список актива села — комсомольцев и лиц, замешанных в связи с партизанами. Все эти лица подлежали изъятию немцами. Нами попу было приказано всеми мерами спасти этих лиц и уничтожить предателя. Поп выполнил задание — он поехал в Луинец и собственной подписью поручился, заверяя немцев, что эти люди не пособники партизан, а пособник партизан — сам податель списка. Немцы попу поверили, так как он имел заслуги перед ними за прошлую пособническую работу. Крестьянин-предатель, подавший список, вместе со своей семьей был расстрелян немцами, а имущество сожжено» [25].

При отступлении вермахта часть храмов подверглась разрушению. В материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее — ЧГК СССР) и других документах приводится немало сведений о разрушении, ограблении и осквернении оккупантами храмов, убийствах и истязаниях священнослужителей. В акте, составленном 15 февраля 1943 г., на следующий день после освобождения Ростова-на-Дону, сообщалось, что церковные книги были сожжены, а из бывшего Епархиального управления оккупанты «сделали, в буквальном смысле, уборную». Находившуюся там «железную купель для святого крещения они превратили в ночной горшок, а в столярной же мастерской, взяв деревянный крест, они воткнули в

кучу кала» [14, л. 4]. Всего, согласно итоговому отчету ЧГК СССР, ими было разрушено и повреждено 1670 храмов и 69 часовен [48, с. 207].

После освобождения советской территории частями Красной Армии многие церкви вновь были закрыты. Часть духовенства, опасаясь репрессий со стороны советской власти, ушла вместе с отступавшими войсками противника. Остальные священники, служившие на оккупированной территории, подвергались проверке органами государственной безопасности, по итогам которой некоторые были привлечены к юридической ответственности по обвинению в сотрудничестве с противником. В январе 1945 г. состоялся суд над членами Псковской православной миссии, большинство обвиняемых по этому делу получили по 15—20 лет лагерей.

Арестовывались не только руководители, но и активисты религиозных общин. Одной из причин выселения органами НКВД 76 истинно-православных христиан с семьями в 1944 г. из Орловской области без указания сроков в Сибирь и на Алтай стало их лояльное отношение к вермахту. Священнослужители истинно-православных христиан окормляли созданную нацистами «русскую бригаду», которая сражалась с партизанами [18]. Тем не менее в целом количество репрессированных «за веру» в 1943—1945 гг. уменьшилось по сравнению с предшествующим периодом [17, с. 271].

Для новых приходов на освобожденной территории были введены дополнительные ограничения, например запрещен колокольный звон. Священникам запрещалось окормлять более одного прихода, что привело к прекращению богослужений во многих храмах. На некоторое время после освобождения религиозная жизнь словно замерла, значительная часть общин вновь перешла на полуполюгальное существование, некоторые из-за отсутствия священников вообще распались, количество богослужений сократилось до минимума.

Однако и органы власти находились в определенном замешательстве, не имея четких указаний из центра о том, как вести себя с церковью, уже не считавшейся идеологическим противником. Некоторые местные руководители и пропагандисты продолжали осуществлять антирелигиозные меры и вести антицерковную пропаганду. Так, в Ильинском районе Краснодарского края председатель райисполкома в апреле 1943 г. дал указание закрыть церковь, открытую в период оккупации в бывшей церковной сторожке. После того как в райком партии пришла группа верующих в 20 человек, секретарь райкома ВКП(б) отменил это указание. Но вскоре от напуганных жителей поступило заявление за подписью 157 человек с просьбой «забронировать священника Успенской церкви». 18 июля состоялось краевое совещание заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов ВКП(б) сельских районов Кубани. В указаниях пропагандистам и агитаторам крайком партии подчеркивал, что при проведении агитационно-массовой работы нужно «отказаться от старой антирелигиозной тематики — проводить только естественнонаучные лекции, ни в коем случае не затрагивая религиозных чувств верующих» [22, с. 307—308, 435]. Несмотря на эти указания, активисты в некоторых районах пытались возродить «научно-просветительскую пропаганду» антирелигиозной тематики. Все тот же Ильинский райком ВКП(б) в августе 1943 г. организовал для населения серию лекций на тему «Церковь на службе империализма и фашизма».

После встречи с И. В. Сталиным 4 сентября 1943 г. высших иерархов Русской православной церкви власть разрешила избрание патриарха и открытие церковей. Это стало поворотным моментом в истории взаимоотношений советской власти и церкви. В то же время религиозная деятельность ставилась под контроль специально созданных структур и должностных лиц — Совета по делам Русской православной церкви (с 14 сентября 1943 г., председатель — Г. Г. Карпов) и Совета по делам религиозных культов (с

19 мая 1944 г., председатель — И. В. Полянский) при СНК СССР и их уполномоченных на местах.

Общество неоднозначно отреагировало на перемены в правительственном курсе в отношении религии и церкви, что отразили высказывания москвичей. Часть из них положительно отнеслась к рассматриваемым событиям. Электротехник колбасного завода Смирнов заявил: «Вообще хорошо, что исчезает нетерпимое отношение к богу. Бог — великое дело, и к чувству божьему мало относиться с уважением». Слесарь мастерской первичной обработки мясокомбината Горохов также считал: «Религия вносит в народ облагораживающие чувства, смягчает жестокие нравы, облегчает тяжелые муки и переживания. Поэтому нужно уважать ее и пастырей, несущих свет и облегчение в жизни». Другая часть общества увидела в восстановлении влияния церкви падение авторитета советской власти. Мастер завода № 192 Гусаров сказал: «...широкая популяризация церковников не приведет к хорошему. Их авторитет возрастет и среди неверующих. А это, в свою очередь, может подорвать веру в силу советской власти». Некоторые связывали это с уступками западным союзникам. По словам рабочего завода первичной обработки мясокомбината Шмелева, «наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников — Америкой и Англией». Представители советской интеллигенции полагали, что этим усиливается невежество. Библиотекарь Научно-исследовательского института связи Шалимова заявила: «Мне кажется, что наша партия допускает ошибку, давая... широкое поле деятельности церкви».

У третьих поворот во взаимоотношениях церкви и власти вызвал настоящую растерянность. Работники завода «Машиностроитель» коммунисты Дзябченко и Машенко задавались вопросом: «Как мы должны вести себя? Раньше нас учили, что религия — опиум народа, а сейчас само правительство идет навстречу священнослужителям». Инженеры управления кадров Наркомата заготовок, члены ВКП(б) Самсонова и Гикурова заявили, что они не понимают «такого резкого поворота к церкви со стороны правительства». Работницы московской фабрики им. Коминтерна члены ВКП(б) Коняшкина, Зайцева и Колпакова в беседе между собой пришли к выводу, что «теперь коммунистам можно беспрепятственно ходить в церковь, молиться богу, крестить детей и венчаться». А четвертые увидели в этом очередной обман со стороны советского руководства. По словам инженера Института азотной промышленности Шапиро: «Без иронии нельзя читать речь тов[арища] Карпова. По его словам получается, что советское правительство сочувственно относится к религии и духовенству, а в действительности это обман» [39, с. 436].

Ряд советских руководителей продолжал выступать против снятия ограничений на открытие храмов, монастырей и других религиозных заведений. 13 октября 1943 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил председателю Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпову, что пока открывать храмы не надо, а ходатайства верующих следовало отсылать местным властям на их окончательное заключение. Только там, где просьбы верующих носили наиболее настоятельный характер, а местные руководители не могли найти причин отказать им, были открыты новые молитвенные дома [1, с. 93]. Были удовлетворены лишь 17% заявлений об открытии храмов [48, с. 215].

Между тем с просьбами об открытии храмов обращались сотни людей, включая бывших фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны, передовиков производства. В докладе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Удмуртской АССР за 1944 г. отмечалось, что «инициаторами открытия церковей кое-где стали появляться инвалиды Отечественной войны. Так, например, инвалид Левашев из села Паздеры, Воткинского района, настойчиво добивается открытия церкви (часовни) в Паз-

дерах» [10, л. 70]. Верующие советские граждане писали в своих заявлениях: «Церковь и богослужение, беседы и речи священника для нас необходимы как воздух. Мы крайне нуждаемся в ободрении, утешении в той жизнерадостной атмосфере, какой так насыщено Евангелие и наше богослужение. Там все полно веры и надежды на лучшую, счастливую жизнь, все бодрит и утешает» [13, л. 2].

На Пасху 1944 г. (в ночь с 15 на 16 апреля) 32 церкви в Москве посетили 250 тыс. чел. (в 1943 г. — 83 тыс. чел., в 1942 г. — 75 тыс. чел.). Церковь Воскресения в Брюсовом переулке посетило около 15 тыс. чел., кафедральный Богоявленский собор — 10 тыс. чел., единоверческую церковь в Рогожском поселке — 10 тыс. чел., старообрядческую церковь на Старообрядческой улице — 9 тыс. чел. Почти во всех церквях присутствовали военнотруженики РККА — как рядовые, так и офицеры, общей численностью свыше 500 чел. 126 церквей Московской области на Пасху посетили около 200 тыс. чел. (в 1943 г. — 160 тыс. чел.). 80—85% верующих, присутствовавших на пасхальной службе, составили женщины, 15—20% — мужчины, примерно половину — люди пожилого возраста, молодежь — от 20 до 25%, а в Подольском, Мытищинском, Константиновском, Краснопахарском районах — 50% всех присутствующих в церквях [8, л. 14—14 об.; 11, л. 291—292]. В то же время многие религиозные общины, испытывавшие недоверие к власти, не желали легализоваться [42].

Активизация религиозной жизни была отмечена и среди мусульман. В мечети Центрального духовного управления мусульман в Уфе на праздничных молениях присутствовало до 3 тыс. верующих. В 1943 г. в Омской области председатель колхоза устроил празднование Ураза-байрам, а в Таджикской ССР имам в одном из колхозов был избран на общем собрании колхозников. С конца 1944 г. началась регистрация мечетей, в том числе уже ранее функционировавших. Так, 4 декабря 1944 г. была открыта самая древняя в России Дербентская мечеть, хотя разрешение на это было получено только 2 июня 1945 г. В то же время подъем религиозности привел к нападениям в Наманганской и Бухарской областях религиозных экстремистов на женщин — советских активисток, некоторые из них были убиты. Активизировали свою деятельность и представители суфийских братств. К 1945 г. уполномоченные Совета по делам религиозных культов отмечали, что в стране повсеместно выявлены незарегистрированные мусульманские общины, собиравшиеся в частных домах и совершавшие пятничные моления под руководством людей, способных хотя бы немного понимать тексты религиозных книг. Многие общины совершали обряды в мечетях, но не обращались за официальной регистрацией [38].

Для многих советских граждан обращение к Богу во время войны объяснялось различными трудностями, глубокими психологическими переживаниями, связанными с опасениями за судьбу ушедших на фронт родных и близких, с разрывом сложившихся социальных связей. В этих условиях вера придавала нравственный смысл деятельности человека, выполняла важную компенсаторную функцию. А. Д. Исаев связал принятие религии своей тетей с гибелью ее сына-летчика на фронте: «Она... баптисткой стала, видимо, потому что сын погиб» [31]. В результате доля верующих возросла среди представителей различных социальных групп и возрастных когорт. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Сталинградской области констатировал, что ходатайства об открытии церквей часто подписывали молодые женщины: «...эти гражданки стали религиозными и даже фанатиками в связи с последствиями Отечественной войны, а именно: санитарка больницы г. Урюпинска Бурова П. П., рождения 1913 г., сказала, что она до Отечественной войны не верила в бога, а когда она получила извещение о гибели ее мужа на фронте, то она, являясь одинокой, постигшее ее горе стало болезненно переживать, ей монашки советовали... усердно молиться богу... С этого момента

Бурова стала активным религиозником. Другие, подобные Буровой, стали молиться богу за сохранение жизни своих мужей, находящихся на фронте, и т.п.» [9, л. 66].

Впрочем, были и обратные примеры, когда горечь понесенных утрат приводила к разочарованию в религии, отворачивала человека от Бога. Жительница Челябинской области В. Глебкина вспоминала, что увидела слезы на глазах матери «лишь раз, когда принесли извещение о гибели папы. В этот день мама перестала верить в бога. Пока отец воевал, она много молилась, просила, чтобы муж вернулся. Когда принесли похоронку, мать прокляла бога» [4, с. 75]. Выбор веры или безверия в конечном счете зависел от индивидуальных качеств личности, ее отношения к миру, системы ценностей и установок.

Существовали порой и сугубо прагматические интересы в знании и соблюдении религиозных традиций, особенно на оккупированной противником территории СССР. В материалах Псковской православной миссии отмечались случаи «кошунственного отношения к таинствам святой Матери-Церкви». На территории, окормляемой миссией, была установлена дополнительная норма «выдачи продуктов питания и мануфактуры по случаю церковного бракосочетания, крещения детей и погребения умерших», которые заверялись специальной справкой от священника. И родители ради материальных благ могли по несколько раз крестить одного и того же ребенка [29, с. 58, 66—67]. В оккупированном Харькове, а возможно и в других захваченных противником городах, знание молитв, наличие образов в доме и креста на шее служило своеобразной защитой от слишком дотошных военнотружущих вермахта, сотрудников местных органов власти и полиции, выявлявших евреев, не знакомых с православным церковным обрядом [12, с. 31, 111].

В отдельных случаях прагматические мотивы в соблюдении религиозных обрядов действовали и на советской территории. По рассказам А. Д. Исаева, после освобождения Приазовья частями РККА он вместе с другими подростками бежал «на кладбище, поминали покойников... Как поминали? Нам дают поесть что-нибудь, и ешь кутью там и прочее». Самого автора воспоминаний его мать крестила незадолго перед этим, уже в возрасте 11 лет [31].

В итоге власть пошла на определенный компромисс. В 1944 г. специальным правительственным распоряжением религиозным объединениям было дозволено с санкции государственных советских органов арендовать, строить, покупать помещения, иметь специальные духовные школы, готовящие кадры священнослужителей, издавать религиозную литературу и журналы [20, с. 31]. 1 декабря СНК СССР предписал местным властям воздерживаться от дальнейших закрытий храмов, не препятствовать ремонту зданий, а в случае настойчивых просьб населения открывать церкви из расчета 2—3 на район. Районные исполкомы стали заключать с религиозными общинами типовые договоры о передаче каменных церковных зданий вместе с имуществом в бессрочное бесплатное использование для удовлетворения религиозных потребностей верующих [16, с. 616—617]. Если к лету 1943 г. в Краснодарском крае количество церквей, уменьшившись в полтора раза по сравнению с периодом оккупации, составило 148, то к началу 1945 г. здесь уже действовало 229 церквей, превышая их численность в период оккупации [5].

В действующей армии перемены по данному вопросу были менее заметны. Политические органы не поощряли распространение религиозных представлений среди фронтовиков. А. Ю. Безугольный отмечал, что ему не удалось обнаружить «ни одного свидетельства какой-либо поддержки армейскими воспитательными органами религиозных обращений, поступавших из тыла, и вообще сколько-нибудь серьезного отношения к религиозности воинов Красной Армии» [3, с. 271]. Однако военному командованию

пришлось все-таки считаться с религиозными чувствами верующих на фронте, не только христиан, но и мусульман, в частности, учитывать, что они не употребляли в пищу свинину. А 2 ноября 1944 г. в Главное политическое управление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма с просьбой «в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов православной церкви» [7, с. 312].

В большинстве своем командиры, особенно ближе к концу войны, меньше внимания уделяли религиозным чувствам своих подчиненных, чем их профессиональным умениям и навыкам, полагая, что лучше сохранить хорошего бойца, чем идейную чистоту рядов подразделения, а может быть, и разделяя их религиозные убеждения втайне от других бойцов. Считалось, что если вера помогает бить врага, то пусть бойцы верят, лишь бы не демонстрировали публично своих религиозных взглядов. А. Шнеер приводит записанное им свидетельство ветерана 201-й Латышской стрелковой дивизии Лазаря Шнеера о том, как в 1943 г. его после возвращения из разведки вызвали к замполиту: «Являюсь, смотрю, в руках у него мой тфилин. В вещмешке моем рылся, пока я в поиск ходил». Замполит сказал: «Я догадываюсь, что это такое, я жил среди евреев. Ты что, в бога веришь?». Л. Шнеер замялся, опасаясь согласиться и не желая врать: «Мать дала. Как талисман ношу с собой». Тот посмотрел и отдал: «Ладно, возьми и никому не показывай!». Эта ситуация разрешилась без серьезных последствий: «Я обрадовался, была уверенность: если тфилин со мной, жить буду». А. Шнеер отмечает, что таких бойцов, «сохранивших традиции и веру отцов, в дивизии было много» [49, с. 67—68]. Ветераны 16-й Литовской дивизии также вспоминают, «что неоднократно, когда позволяла обстановка, многие бойцы молились», отмечались и факты «погребения погибших евреев по религиозному обряду» [49, с. 83].

Из воспоминаний А. Г. Малюка: «Вот, я помню, мы на задании были и, наверно, километров 70 отмахали за двое суток. Так был у нас один верующий, у него была какая-то святая книжка... Ну, я даже сейчас не помню, как разговорник или словарь такого небольшого формата. Нам пришлось не просто идти, а бежать, мы уходили, и у нас еще были раненые, не из приятных момент. Кроме того, у меня было оружие одного из раненых и вещмешок, в общем, груза много. И вот он достал эту самую книжку, стал на колени. Ну, конечно, пот льет, все промокшие, голодные, окровавленные руки, потому что с ранеными, да и сам такой. Он на колени стал и читал. Наш командир разведки говорит: “Не надо его трогать, пусть он это”. И значит, он читал, читал и громко читал, потом помолился и положил эту книгу в вещмешок. Это первый раз я увидел». В отличие от командира сам автор, бывший комсоргом подразделения, впоследствии все-таки пытался словом воздействовать на своего верующего сослуживца [32].

Как правило, к Богу обращались в самую трудную минуту, когда возникала непосредственная угроза жизни человека. Именно тогда в памяти возникали, казалось бы, давно забытые молитвы и обряды: «У меня случай вот такой был: ... “Фердинанд” — немецкое самоходное орудие ползет прямо на меня... лежу, и вырвалось у меня “Спаси Господи” или “Помоги Господи” [смеется]. И “Фердинанд” остановился» [26, с. 75]. Похожие чувства испытала, попав в Кировограде под жестокую вражескую бомбардировку, медицинская сестра Е. С. Тюкина: «Я сижу и тряусь вся и говорю: “Господи, помилуй! Господи, помилуй!”. Хотя я была атеистка, тогда были совсем другие дети, воспитаны в другом духе, а тут я: “Господи, помилуй! Господи, помилуй!”» [33]. Предельно четко ответил на вопрос о том, верил ли он в Бога, еще один фронтовик: «Нет. Но все верили, когда бомбят. В окопе лежишь: “Господи, пронеси, лишь бы не меня”. Вот тогда верили» [30].

Трудности военной службы, гибель боевых товарищей, переносимые физические и нравственные страдания вынуждали многих военнослужащих искать духовной поддержки, которую традиционно давала религия. Один из бойцов писал матери из госпиталя, в который попал после «мясорубки» в сентябре 1942 г. под Сталинградом: «Прошу тебя, сходи за меня в церковь, помолись за меня... и поставь несколько свечей перед иконой. Помолись богу за скорейшее окончание войны, многострадающий русский народ, за новый мир». Другой раненый, описав тяготы невыносимого бытия, давал близким такое напутствие: «Жена и дети, как-нибудь живите, видно мое такое счастье — что даст господь» [40, с. 267—268]. В сочетании с критикой советского руководства за положение в тылу и на фронте подобные проявления религиозных чувств рассматривались военной цензурой как «антисоветские настроения», хотя в ходе перлюстрации выделялась и отдельная группа религиозных писем негативного характера. Количество их, впрочем, было невелико: из 190 367 писем, обработанных военной цензурой особого отдела НКВД Сталинградского фронта с 15 по 31 июля 1942 г., отрицательные высказывания были отмечены в 2600, в том числе только в 19 — религиозные [40, с. 161].

Достижению компромисса между властью и церковью во многом способствовало то, что во время войны и особенно на ее завершающем этапе религиозные организации не раз выступали с различными патриотическими инициативами. Только Русская православная церковь внесла в Фонд обороны в годы войны до 300 миллионов рублей, построила танковую колонну им. Дмитрия Донского, эскадрилью им. Александра Невского. Немало священнослужителей личным трудом приближали Победу, подавая соответствующие примеры верующим. Так, настоятель церкви в станице Сергиевской Кореновского района П. И. Колосов организовал бригаду из верующих, которая убрала 35 га хлеба, за что получил премию от местного совета [15, с. 144—154]. А кадий Ботлихской мечети С. Мирзаев мобилизовал всех жителей аула и привлек учащихся школы для уборки урожая фруктов, чем оказал огромную услугу колхозу [38]. Нередко верующие и духовенство брали шефство над военными госпиталями, ухаживали за ранеными, собирали им подарки.

Следует отметить, что часть верующих, придерживавшихся пацифистских убеждений, при призыве в армию заявляли о своих религиозных убеждениях и отказывались от оружия. Как правило, их направляли на службу в медико-санитарные части, части связи, службы тыла, но в отдельных случаях следовало уголовное наказание в виде лишения свободы и даже расстрела. Были и те, кто полностью отказывался от службы в действующей армии — в основном из числа сектантов. В информационной справке начальника организационно-инструкторского отдела Главного политического управления РККА Золотухина «О политических настроениях населения Львовской и Дрогобычской областей УССР и работе политорганов Красной Армии с местным населением», подготовленной в 1944 г., отмечалось, что в составе пополнения из Западной Украины «имеются люди, выражающие чуждые настроения и не желающие служить в Красной Армии». К числу их были отнесены в первую очередь, помимо бывших коллаборационистов и украинских националистов, евангелисты и баптисты [39, с. 428].

С другой стороны, немало представителей различных конфессий защищали Родину на фронте. Среди них были и отдельные священнослужители. Только 3 ноября 1944 г. Комиссия при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации своим постановлением освободила от призыва священнослужителей, «имеющих иерейский или диаконовский сан, при условии, если они зарегистрированы в установленном порядке и служат в церкви» [8]. А 26 февраля 1945 г. отсрочки от призыва по мобилизации были распространены и на других служителей религиозных культов — военнообя-

занных запаса, независимо от возраста и состава, отправлявших потребности культа в действовавших молитвенных зданиях.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны существенно изменились условия для развития религиозной жизни в СССР. От политики гонений и систематических преследований за веру советское государство перешло к своеобразному компромиссу с церковью, направленному на максимальную концентрацию всех сил и средств для достижения победы над противником. Во многом это было обусловлено патриотической позицией, занятой руководством Русской православной церкви и других религиозных организаций. Значительно активизировалась религиозная жизнь и на захваченной советской территории. Все это создавало новые внешние стимулы для реализации религиозных чувств советских граждан. Однако не меньшую роль играли и внутренние обстоятельства, связанные с переживаемыми на индивидуальном уровне трудностями и особенностями социально-психологической ситуации военного времени.

Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев В. И., Ставру Ф. Г. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13. С. 75—97.
2. Беглов А. Епископат Русской православной церкви и церковное подполье в 1920—1940-е гг. // Альфа и Омега. 2003. № 1 (35). С. 138—155.
3. Безугольный А. Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918—1945 годы. М. : Вече, 2007. 512 с.
4. Булавин М. В. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны на динамику религиозности православного населения // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 74—80.
5. Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939—1958 (Дискуссионные аспекты). М. : Ин-т славяноведения, 2003. 380 с.
6. Вселенская панихида // Майкопская жизнь. 1942. 15 окт.
7. Всемирная история: Вторая мировая война. Итоги Второй мировой войны. М. : АСТ, 2001. 512 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 12.
10. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 34.
11. ГАРФ. Ф. Р-8401. Оп. 2. Д. 64.
12. Город и война. Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб. : Алетей, 2012. 568 с.
13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13.
14. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 9.
15. Дело мира и любви. Очерки истории и культуры Православия на Кубани. Краснодар : Православный Екатеринодар : Традиция, 2009. 304 с.
16. Екатеринодар — Краснодар. 1793—1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар : Краснодарское кн. изд-во, 1993. 798 с.
17. Емельянов Н. Оценка статистики гонений на Русскую православную церковь с 1917 по 1952 г. (по данным на январь 1999 г.) // Богословский сборник. М. : Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. № 3. С. 258—274.
18. Из истории сектантства на Орловской земле [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sektainfo.ru/Regions/Orel.htm> (дата обращения: 25.07.2013).
19. История евангельских христиан-баптистов в СССР. М. : Изд-во ВСЕХБ, 1989. 624 с.
20. Королева Л. А., Королев А. А. Власть и мусульмане в СССР в Великой Отечественной войне (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (13). С. 30—34.
21. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1: Хроника событий 1941—1942 гг. Краснодар : Советская Кубань, 2000. 816 с.
22. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Рассекреченные документы. Хроника событий : в 3 кн. Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. Краснодар : Советская Кубань, 2003. 896 с.
23. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 2.

24. Обозный К. П. Псковская Православная миссия в 1941—1944 гг. // Православная община. Журнал Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы. 2000. № 55. С. 69—89; № 56. С. 73—99.
25. Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М. : Российское объединение исследователей религии, 2005. 540 с.
26. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. СПб. : Европейский Дом, 2008. 291 с.
27. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск : Русич, 1993. 496 с.
28. Правда о религии в России. М. : Изд-во Московской Патриархии, 1942. 282 с.
29. Православное духовенство в Латвии 1920—1940 : сб. документов. Рига : Латв. гос. изд-во, 1962. 430 с.
30. Респондент: Гречко Владимир Георгиевич, 1921 г.р. Интервьюер: Е. Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 119 минут. Запись 24 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
31. Респондент: Исаев Александр Дмитриевич, 1930 г.р. Интервьюер: Е. Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 100 минут. Запись 30 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
32. Респондент: Малюк Александр Григорьевич, 1927 г.р. Интервьюеры: Е. Ф. Кринко, Т. Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 135 минут. Запись 29 сентября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
33. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
34. Респондент: Шепеленко Нина Павловна, 1930 г.р. Интервьюер: Т. Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 53 минуты. Запись 20 февраля 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 106.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188.
37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 251.
38. Сеницын Ф. Л. Советское государство и ислам во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Мир и политика. 2011. Июнь, № 6 (57). URL: <http://mir-politika.ru/203-sovetskoe-gosudarstvo-i-islam-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny-19411945-gg.html> (дата обращения: 12.08.2013).
39. Советская повседневность и массовое сознание. 1939—1945. М. : РОССПЭН, 2003. 472 с.
40. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М. : Звонница-МГ, 2000. 491 с.
41. Суворова Н. Молитва за Отечество // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 4—7.
42. Фефилин С. В. Взаимоотношения государства и религиозных организаций в 40-х — середине 50-х гг. (на материалах Краснодарского края) : дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2002. 235 с.
43. Хранилище документации новейшей истории Национального архива Республики Адыгея. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1.
44. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 403.
45. Церковь должна быть свята и непорочна // Майкопская жизнь. 1942. 11 окт.
46. Цыпин В. А. История Русской Церкви. 1917—1997. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.
47. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Вече, 2010. 480 с.
48. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. 400 с.
49. Шнеер А. Плен. Т. 2. Иерусалим, 2003. 390 с.

Поступила в редакцию 25.02.2015 г.

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра
Российской академии наук
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, 41
E-mail: krinko@ssc-ras.ru, krinkoef@gmail.com

UDC 94(47)“1941/45”:316.74:2

E. F. Krinko

Religious life in the Rear and in the Front during Great Patriotic War

The article is devoted to the religious matter in the USSR in 1941—1945. The Soviet state stopped its former policy of repressions against the church during the Great Patriotic War. In many ways, this explains the patriotic position of the church leadership. The aim of the compromise was the maximum concentration of all forces and means to defeat the enemy. At the same time, religion provided spiritual support to many Soviet citizens, helping to overcome the difficulties of wartime.

Key words: Great Patriotic War, religion, Soviet society, Church, Orthodoxy, Islam.

Krinko Evgeny Fedorovich, Doctor of Historical sciences, Deputy Director for Research
Institute of Socio-Economic and Academic Research of Southern Scientific Center, Russian Academy
of Sciences
344006, Russian Federation, Rostov-on-Don, prospect Chekhova, 41
E-mail: krinko@ssc-ras.ru, krinkoef@gmail.com